

— Благодарю, — Хань Хэн отсчитал пять медных монет и, вполне довольный покупкой, вышел из лавки.

Дорогу преграждал высокий мужчина, застывший посреди пышных зарослей. Пройти мимо, не задев его, было невозможно, и Хань Хэну пришлось остановиться на нём взгляд.

Мужчина в недоумении нахмурился.

— Прошу прощения, разрешите пройти, — вежливо улыбнулся ему Хань Хэн.

— Ах, это вы меня извините, — незнакомец усмехнулся и поспешно отступил в сторону, освобождая проход. — Обознался.

Хань Хэн, слегка склонив голову, двинулся дальше.

Но за спиной вдруг раздалось:

— Хань Хэн?

Он невольно обернулся.

Недавний прохожий уже спешил к нему навстречу размашистым шагом. Он оказался чуть выше Хань Хэна и теперь вглядывался в его лицо с глубочайшим, почти растерянным удивлением.

Уверенный, что не ошибся и действительно услышал своё имя, Хань Хэн слегка склонил голову набок:

— Мы знакомы?

Собеседник словно очнулся от глубокого забытья. Он поджал губы и спросил:

— Вас тоже зовут Хань Хэн?

— Ну да, — удивился Хань Хэн.

Мужчина перед ним держался со всем изяществом истинного книжника былых эпох. Заложив одну руку за спину, он стоял прямо; высокую причёску венчал изысканный обод из светлой яшмы. Очерченный тёплый рот, открытый лоб и крупные глаза выдавали в нём человека благородного происхождения. При этом его повадки были лишены той давящей, колючей спеси, которой так часто грешил Чжуан Лин, — незнакомец казался на редкость добродушным.

— Какое совпадение... У меня был близкий друг, полный ваш тёзка. Да и со спины вы невероятно похожи на моего названного брата, потому-то я и обознался. — Мужчина бросил взгляд на улицу позади Хань Хэна и предложил: — Понимаю, что это прозвучит дерзко, но здесь неподалёку есть славная ресторация, которой владеет мой товарищ детства. Не согласитесь ли пропустить по чарке и побеседовать? Хотелось бы свести знакомство.

Под маской, которую ему вручил Чжуан Лин, Хань Хэн выглядел самым заурядным обывателем.

«Надо же, подцепить кого-то на улице просто благодаря схожему силуэту со спины... А впрочем, почему бы и нет? В этой глуши я знаю только Чжуан Лина, завести новые знакомства точно лишним не будет».

Хань Хэн колебался лишь мгновение, а затем мягко улыбнулся. Он смягчился.

— Что ж, согласен. Встретить тёзку вашего друга — и впрямь редкая удача. Могу ли я узнать ваше имя, уважаемый?

Собеседник просиял от искренней радости и жестом пригласил следовать за ним.

— Чжуан Янь. «Янь», что значит «чернильный камень». Прошу, пойдёмте сюда. Мой приятель — непревзойдённый мастер хмельных дел, его рецепты передаются в семье уже три поколения. Кабы не моё заступничество, за одну лишь чарку этого нектара с вас содрали бы не меньше слитка золота.

Хань Хэн мысленно присвистнул. Сегодня он битый час чаевничал в лавке и закупил цветов, не потратив и пяти лянов серебра, тогда как один золотой равнялся целым десяти лянам.

Чжуан Янь явно чувствовал себя здесь как дома. Его приятель, мужчина с ярко выраженной манерой утончённого книжника, лично проводил гостей на второй этаж. Их устроили в отдельном кабинете у окна. Роль двери здесь выполняла тонкая бамбуковая занавесь, за которой скрывался расписной экран ширмы.

Сидеть полагалось прямо на циновках. Хань Хэн вежливо уступил хозяину право сесть первым, а сам украдкой наблюдал за его движениями. Повторив за Чжуан Янем изящное движение, он устроился напротив, скрестив ноги. Подобная поза не вызывала у него неудобств — сказывались давние репетиции и съёмки в исторических драмах.

— Когда выпадает свободный денёк, я неизменно прихожу сюда, — заговорил Чжуан Янь, разливая чай. — Пью ли я вино в одиночестве или завариваю сбор — отсюда так приятно наблюдать за суетой людского муравейника на улице. Главное, что они тебя не видят.

На окнах тоже покачивались бамбуковые шторы. Порывы ветра заставляли планки тихо,

ненавязчиво постукивать друг о друга.

Хань Хэн негромко рассмеялся:

— Не думал, брат Чжуан, что вы столь поэтичная натура. Полагаю, в изящных искусствах вам тоже нет равных?

— Пустые забавы, — с горькой усмешкой отозвался тот. — Мой от... батюшка вечно бранит меня за то, что я маюсь дурью и не желаю заниматься настоящим делом.

— Мой отец... батюшка тоже частенько читал мне подобные нотации, — отозвался Хань Хэн.

«О да, старик бушевал знатно...»

Когда Пэй Цзя поступил в театральную академию, его отец лишь спустя три месяца соизволил поинтересоваться, где именно учится сын. Решив, что оболтус провалил нормальные экзамены и пошёл в балаганные паяцы, он мигом лишил его всякого содержания.

— Все родители желают своим детям великого будущего, и я, увы, не оправдал чаяний отца, — мягко вздохнул Чжуан Янь. Его манеры оставались безупречно благородными, а в голосе сквозила искренняя скромность. — К счастью, у меня есть младшие брат и сестра. Брат мой необычайно умен, хватка у него железная, а решения он принимает без малейших колебаний. Благодаря такому надёжному плечу я, никчёмный старший сын, могу позволить себе праздность.

В прошлой жизни Пэй Цзя крутился в весьма специфической среде. Его окружали либо мелкие дельцы и начинающие актёришки его уровня, либо напыщенные тузы шоу-бизнеса, которые и за человека его не считали. Были ещё и те, кто искал выгоду в любом знакомстве.

Однако теперь, ведя неспешную беседу с Чжуан Янем, Хань Хэн быстро понял: перед ним сидит истинный аристократ. Ту непринуждённую грацию и врождённое величие, что сквозили в каждом его жесте, невозможно было симитировать — подобное впитывается лишь с молоком матери в поколениях знати.

— Отведайте вот это, — Чжуан Янь вежливо указал палочками на тарелку, не утомляя гостя навязчивым гостеприимством. — Местный шедевр.

На протяжении всего обеда Чжуан Янь держался безупречно тактично: не навязывал ни хмельного, ни закусок, лишь изредка поясняя особенности подаваемых блюд.

Блюдо под названием «пьяные креветки» заметно отличалось от того, к чему привык Хань Хэн. Их подали не сырыми, а бережно припущенными на медленном огне. Панцири успели размякнуть в кисло-сладком уксусном маринаде, а особый соус придавал мясу изысканную,

едва уловимую сладость. Обычно Хань Хэн наотрез отказывался от сырых морепродуктов, но это кушанье оценил по достоинству, то и дело отправляя в рот очередную креветку.

За едой Чжуан Янь увлечённо делился историями о нравах и обычаях столицы Бэйшо. Время летело незаметно. К концу трапезы оба порядком насытились и захмелели. Чжуан Янь слегка покраснел от вина, а Хань Хэн почувствовал, как стянувшая лицо кожаная маска начинает раздражать кожу от духоты. Впрочем, обоюдное хмельное благодушие сглаживало любые неудобства.

— Давненько мне не доводилось встречать столь благодарного слушателя, — с мягкой грустью и теплотой проговорил Чжуан Янь, приподнимая чарку. — Из уст праздного человека и речи льются лишь о сущих пустяках. Выпьем же ещё по одной, напоследок. Я осушу до дна, а вы, дорогой брат, пейте сколько пожелаете.

В былой жизни Пэй Цзя славился отменным здоровьем и мог перепить кого угодно, но нынешнее его тело явно не отличалось стойкостью к алкоголю. Хань Хэн осушил всего несколько чарок, а в глазах уже заплескались смутные тени, и затылок налился свинцовой тяжестью. Тем не менее отказываться он не стал и лихо опрокинул кубок:

— Дивное вино! Негоже вам пить в одиночку. Пускай эта последняя чарка будет за моё здоровье!

Чжуан Янь тепло улыбнулся, его взгляд прояснился, став чистым и глубоким. Кто бы отказался от дружбы с таким благородным и утончённым мужем? Спускаясь по ступеням трактира, Хань Хэн мысленно хвалил себя за редкую удачу: стоило один раз выбраться в город, как он обзавёлся приятным знакомством с человеком явно непростого сословия. По крайней мере, теперь в столице будет с кем скоротать вечер за беседой.

Хмель, однако, давал о себе знать — ноги сделались ватными и заплетались.

— Чудесный день, — нетвёрдым голосом проговорил Хань Хэн, пошатнувшись. — Кажется, я слегка перебрал. Брат Чжуан, коли не побрезгуете, приглашаю вас заглянуть ко мне на чаёк. Моё скромное обиталище тут совсем неподалёку.

Под затуманенным взглядом Хань Хэна Чжуан Янь, и без того порозовевший от хмеля, вспыхнул пунцовым румянцем.

Одной детали Чжуан Янь новому приятелю не раскрыл. Его немилость в отцовском доме объяснялась не только отсутствием деловой хватки, коей блистал младший брат, но и упорным нежеланием связывать себя узами брака. С юных лет Чжуан Яня влекло исключительно к миловидным, хрупким юношам, в то время как к женскому полу он оставался абсолютно равнодушен. И если в нежном возрасте его увлечения сходили ему с рук, то теперь затянувшаяся холостяцкая жизнь вызвала всё больше косых взглядов со стороны родни.

К счастью, бремя продолжения рода и наследования лежало на законном наследнике, что давало Чжуан Яню ещё год-другой свободы.

— Брат мой... — тихо позвал его Чжуан Янь.

Его голос доносился до Хань Хэна словно сквозь слой ваты. Земля уходила из-под ног, и бедолаге пришлось до боли вонзить ногти в ладони, чтобы окончательно не провалиться в сонный дурман.

— Да вон там... сразу за углом, — Хань Хэн тихонько икнул.

Чжуан Янь бережно подхватил спутника под локоть, принимая на себя тяжесть его тела. В конце переулочка уже виднелись ворота усадьбы и стоявшая у входа богатая повозка. В хмельной голове Чжуан Яня лениво заворачивались мысли: этот экипаж казался ему до боли знакомым.

Дверца кареты распахнулась, и на землю спустился человек.

При этом зрелище остатки хмеля мгновенно выветрились из головы Чжуан Яня.

Почувствовав, как напрягся и замер его спутник, Хань Хэн с трудом разлепил веки и попытался сфокусировать взгляд.

В то же мгновение ледяной, резкий голос настиг их:

— Хань Хэн!

Чужая тяжёлая хватка мёртвой петлёй сомкнулась на его запястье. Хань Хэна с силой рванули на себя, так что плечевой сустав отозвался резкой болью. Хмель окончательно улетучился. Разглядев того, кто стоял перед ним, Хань Хэн невольно содрогнулся всем телом.

Он судорожно вздохнул и пролепетал:

— Чжуан Лин... Откуда ты здесь?..

Неужели этот деспот умудрился узнать его даже под личиной? Чжуан Лин смотрел с могильным холодом — казалось, он прошивал маску насквозь, вновь беря едва затянувшиеся душевные раны. Хань Хэн давно не видел молодого князя в таком бешенстве. Так тот одаривал его лишь в самом начале их знакомства — тяжёлым, безжалостным, заставляющим инстинктивно вжимать голову в плечи и прикрывать шею руками.

Чжуан Янь, однако, и бровью не повёл. Не успел Хань Хэн удивиться такой стойкости, как

старший брат заговорил ровным, спокойным тоном:

— Второй брат? И ты здесь? Вы, оказывается, знакомы? Теперь понятно, отчего тебя дома не сыщешь с собаками с самого твоего возвращения. Уж не здесь ли ты пропадаешь круглые сутки? — Чжуан Янь скользнул взглядом вверх, читая выверенную каллиграфию на висящей над воротами табличке: «Сад Сюэ».

Хань Хэн лишь беззвучно приоткрыл рот, переводя потрясённый взгляд с одного мужчины на другого. Только сейчас, вглядевшись в их черты, он уловил несомненное семейное сходство: один и тот же благородный разлёт бровей, схожие очертания губ и носа. Вот только один казался сотканным из глухого полярного льда, а второй — из мягкого весеннего солнца.

— Мои дела тебя не касаются, — грубо отрезал Чжуан Лин и собственническим жестом притянул Хань Хэна к своей груди.

Колени Хань Хэна по-прежнему подкашивались, но виснуть безвольной тряпкой на глазах у новоиспечённого старшего брата Чжуан Лина было выше его сил — остатки гордости взбунтовались. Он попытался выпрямиться и упереться ногами в землю, но подошвы скользнули по влажным камням, и парень со всего маху впечатался лицом прямиком в широкую грудь молодого князя.

— Коли тебе больше нечего сказать, возвращайся домой, — процедил сквозь зубы Чжуан Лин. Он помрачнел от едва сдерживаемой ярости. Он резко нагнулся и, подхватив Хань Хэна под коленями, поднял на руки.

Слуги поспешно распахнули тяжёлые ворота усадьбы. Под молчаливым взглядом Чжуан Яня скрывшийся из виду Чжуан Лин унёс свою ношу внутрь, и тяжёлые алые створы ворот с глухим стуком захлокнулись.

Оставшись один, Чжуан Янь задумчиво прищурился. Сонливость как рукой сняло. Он ещё некоторое время разглядывал позолоченные иероглифы на лакированной вывеске «Сада Сюэ» и лишь затем, развернувшись, неспешно зашагал прочь.

Если не считать младенчества, Хань Хэна — а точнее, Пэй Цзя — отродясь никто не таскал на руках. В своей прежней жизни он вымахал под метр восемьдесят, превратившись в крепкого широкоплечего парня, поднять которого было задачей не из лёгких. Даже во время дурацких шоу, где ради дешёвого хайпа хрупкие актрисы пытались тягать коллег-мужчин, на его габариты никто не зарился. Чжуан Лин же нёс его с пугающей лёгкостью, уверенно шагая через дворы и галереи прямиком в спальню.

Горячее, пахнущее алкоголем дыхание Хань Хэна обжигало шею князя. Бедолага намертво уткнулся лбом в плечо своего похитителя — только бы слуги не увидели этого позора.

Ударом ноги распахнув дверь, Чжуан Лин швырнул его на постель — без малейшего намёка на

заботу.

Хань Хэн глухо охнул. От резкого толчка желудок взбунтовался, к горлу подступила тошнота, и парень судорожно сжался в комок, обхватив руками живот.

— Людей сюда! Живо приготовьте купальню! — зычно приказал Чжуан Лин в коридор.

Хань Хэн продолжал метаться по простыням, то выгибаясь дугой, то судорожно запрокидывая голову назад.

— Пить не умеешь, а туда же! Ещё и нализался с ним в стельку! Ты мои предупреждения мимо ушей пропускаешь, а? — Чжуан Лин навис над ним грозовой тучей.

Не в силах терпеть кружащуюся комнату, Хань Хэн крепко зажмурился. Сквозь распахнутый ворот было видно, что он покраснел до самых мочек ушей. Лишь маска на лице оставалась неподвижной мертвенной коркой, скрывая исказившиеся черты.

<http://bllate.org/book/20487/2135347>